
RemVoVo
Гувернантка
бессмертного графа

RemVoVo

Гувернантка бессмертного графа

«Автор»

2026

RemVoVo

Гувернантка бессмертного графа / RemVoVo — «Автор», 2026

Эвелин Хартли — воспитанница приюта, умеющая читать, писать и считать. Получив место гувернантки в старинном поместье Блэкхолл, она надеется обрести спокойную жизнь и достойное будущее. Но её наниматель, седовласый граф Перегрин Эшкрофт, хранит тайну, которой больше четырёхсот лет. Его дочь выглядит шестилетней девочкой, хотя давно перестала считать себя ребёнком. За роскошными стенами замка скрываются семейное проклятие, древняя реликвия и опасный охотник. А ещё — чувство, способное изменить судьбу бессмертной семьи.

© RemVoVo, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Предложение из Блэкхолла 5
Глава 2. Девочка, которая не любила уроки 16
Глава 3. Хозяин Блэкхолла 25
Глава 4. Правила старого дома 35
Глава 5. Первый вечер в зимнем саду 43
Конец ознакомительного фрагмента. 48

RemVoVo
Гувернантка бессмертного графа

Глава 1. Предложение из Блэкхолла

Дождь начался ещё до рассвета и к полудню превратил двор приюта Святой Агнессы в сплошное месиво из грязи, луж и опавших листьев.

Эвелин Хартли стояла у окна учебной комнаты, держа в руках раскрытую книгу. За стеклом ветер трепал голые ветви старой яблони, а по дорожке к главному входу торопливо шла сестра Маргарет, прикрывая голову чёрным платком.

— Мисс Хартли!

Эвелин обернулась.

У двери стояла мисс Бриггс, экономка приюта, женщина с узким лицом и неизменно поджатыми губами. Она относилась к Эвелин с той особенной строгостью, которую обычно проявляют к людям, способным самостоятельно прочесть вывеску над дверью.

— Вас желает видеть настоятельница.

— Сейчас?

— Нет, мисс Хартли. Через три недели. Разумеется, сейчас.

Эвелин закрыла книгу.

— Простите.

— И захватите свои вещи. Возможно, вам предстоит отъезд.

Эти слова заставили её насторожиться.

— Куда?

— Не задавайте вопросов прежде времени.

Мисс Бриггс развернулась и ушла, оставив после себя запах крахмала, лаванды и неодобрения.

Эвелин посмотрела на книгу. Это был старый сборник английских стихотворений, который она получила от покойной сестры Анны. Обложка давно потрескалась, несколько страниц были испачканы воском, но книга оставалась одной из немногих вещей, которые принадлежали ей по-настоящему.

Она аккуратно положила её на стол.

В приюте Святой Агнессы не любили любопытных девочек. Особенно тех, которые умели читать.

Эвелин умела не только читать, но и писать, считать, вести простые записи и разбирать торговые счета. Всему этому её научил отец.

Когда-то мистер Хартли торговал тканями, пряностями и привозным фарфором. Он никогда не был богатым человеком, но его маленькая лавка пользовалась уважением. У него имелись постоянные покупатели, несколько надёжных поставщиков и скромный дом с садом.

Потом один из крупных партнёров разорился, второй оказался мошенником, а третья сделка, на которую отец возлагал последние надежды, закончилась катастрофой.

Долги росли быстрее, чем таяли остатки имущества.

Эвелин помнила последний вечер в доме. Отец сидел за столом, перебирал бумаги и время от времени снимал очки, чтобы потереть переносицу.

— Запомни, девочка, — сказал он тогда. — Человек, который умеет читать, уже не совсем беспомощен. А тот, кто умеет считать, иногда даже понимает, когда его обманывают.

Она была ещё маленькой, но запомнила эти слова.

Через несколько месяцев отца не стало.

Дальше были дальние родственники, разговоры о расходах, холодная комната и, наконец, приют.

Эвелин не считала себя несчастной. Она предпочитала считать себя человеком, которому пока не повезло.

Это было гораздо удобнее.

Настоятельница принимала посетителей в своём кабинете. Помещение было небольшим, но аккуратным: тёмная мебель, тяжёлые занавеси, несколько религиозных картин и часы с медным маятником.

За письменным столом сидела мать-настоятельница, а рядом с ней расположился незнакомый мужчина.

Он был одет в тёмно-серый костюм хорошего покроя. На его пальцах поблёскивали перстни, а возле кресла стояла трость с серебряной рукоятью. Мужчина выглядел лет на пятьдесят, хотя его лицо было настолько сухим и неподвижным, что определить возраст точно оказалось непросто.

— Мисс Хартли, — произнесла настоятельница. — Познакомьтесь. Мистер Артур Пенроуз, управляющий поместьем Блэкхолл.

Эвелин присела в реверансе.

— Очень приятно, сэр.

— Взаимно, мисс.

Голос у него был спокойный, без заметного акцента.

— Садитесь, дитя моё, — сказала настоятельница.

Эвелин села на предложенный стул.

— Мистер Пенроуз приехал с севера, — продолжила женщина. — Его хозяину требуется гувернантка для дочери.

— Для дочери? — переспросила Эвелин.

— Совершенно верно.

— Какого возраста девочка?

— Шести лет.

Эвелин кивнула. Это было вполне подходящее занятие для молодой женщины, умеющей читать и писать. Правда, она никогда не работала гувернанткой, но считала, что сумеет справиться.

— Лорд Эшкрофт желает, чтобы его дочь получила хорошее начальное образование, — сказал Пенроуз. — Девочка должна научиться читать, писать, считать, знать основы истории и географии. Кроме того, хозяин хотел бы, чтобы она привыкла к порядку и хорошим манерам.

— Понимаю.

— Вы умеете читать и писать?

— Да, сэр.

— Считать?

— Да.

— Вести записи?

— Если потребуется.

Пенроуз впервые внимательно посмотрел на неё.

— Вы получили образование в приюте?

— Нет. Меня обучал отец. Он торговал тканями и фарфором.

— Значит, вы умеете обращаться со счетами?

— Немного. Достаточно, чтобы заметить ошибку.

— Это полезное качество.

Настоятельница едва заметно кашлянула.

— Эвелин, ты должна понимать, что подобная возможность выпадает далеко не каждой воспитаннице нашего дома. Блэкхолл — старинное поместье, а граф Эшкрофт принадлежит к одному из наиболее уважаемых семейств на севере.

Эвелин постаралась не показать заинтересованности.

— Насколько далеко находится поместье?

— Достаточно далеко, — ответил Пенроуз. — Дорога займёт несколько дней.

— А сам граф живёт там постоянно?

— Да.

— И его дочь тоже?

— Разумеется.

Эвелин почувствовала, что собеседник не особенно любит вопросы. Впрочем, он отвечал на них терпеливо, пусть и не всегда подробно.

— Простите, сэр, но почему вы выбрали именно меня?

Пенроуз сложил руки на серебряной рукояти трости.

— Нам рекомендовали вас как воспитанницу с хорошими способностями. Вы не только читаете, но и пишете достаточно грамотно. Кроме того, у вас нет семьи, которая могла бы возражать против переезда.

Последнее прозвучало несколько неприятно.

Но это была правда.

— Я понимаю.

— Условия будут следующими. Вы получите отдельную комнату, питание, одежду для работы и жалованье. Также вам предоставят ежегодный отпуск, если ваши обязанности будут исполняться должным образом.

Эвелин невольно выпрямилась.

Жалованье.

Она слышала это слово и прежде, но никогда не относила его к себе.

— Какое именно жалованье? — спросила она.

Настоятельница бросила на неё укоризненный взгляд.

Пенроуз, однако, не рассердился.

— Двадцать фунтов в год, с возможностью повышения.

Эвелин молчала.

Двадцать фунтов.

Это были деньги, которые она могла откладывать. Покупать книги. Хорошую обувь. Платья, которые не приходилось бы донашивать после других воспитанниц.

Она могла бы накопить сумму, достаточную для того, чтобы однажды снять комнату и жить самостоятельно.

А может быть, даже больше.

— Это щедрое предложение, — наконец произнесла она.

— Лорд Эшкрофт ценит хороших служащих, — ответил Пенроуз. — Если человек честен и выполняет свою работу, он может рассчитывать на достойное отношение.

Эвелин посмотрела на настоятельницу.

— Я согласна.

— Не торопись, дитя моё, — вмешалась женщина. — Тебе следует хорошо подумать. Блэкхолл находится далеко от привычного окружения. Там свои порядки, а лорд Эшкрофт человек строгий.

— Я подумаю, матушка.

Пенроуз достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги.

— Здесь указаны основные условия. Вы можете прочитать их и подписать, если согласны.

Эвелин взяла документ.

Бумага была плотной, дорогой, с водяными знаками. Она пробежала глазами по строкам, затем вернулась к началу и перечитала внимательнее.

Условия были изложены вполне ясно. Комната, питание, жалованье, обязанности, срок службы. Никаких странных требований.

Она заметила, что в одном месте была пропущена запятая, но решила не обращать на это внимания.

— Вы читаете очень внимательно, — заметил Пенроуз.

— Отец говорил, что договоры следует читать дважды.

— Мудрый совет.

Эвелин подписала документ.

Её рука слегка дрогнула.

Не от страха.

От волнения.

В тот вечер она долго не могла уснуть.

Соседки по комнате уже спали. Кто-то тихо посапывал, кто-то ворочался под одеялом. За окном шумел дождь.

Эвелин лежала на спине и смотрела в темноту.

Блэкхолл.

Само название звучало как место из старинной легенды.

Она представляла длинные коридоры, высокие потолки, каменные лестницы, картины в золочёных рамах и окна, выходящие на огромный парк.

Возможно, там будет библиотека.

Настоящая библиотека, не полка с несколькими книгами, которые разрешалось брать только по воскресеньям.

Может быть, в ней найдутся исторические труды, географические атласы и романы.

А ещё там будет собственная комната.

Эвелин улыбнулась.

Она не собиралась всю жизнь оставаться бедной воспитанницей приюта. Не для того отец учил её читать и считать, чтобы она всю жизнь смотрела на чужие книги через плечо.

Ей нравились красивые вещи.

Нравились хорошие ткани, изящная посуда, блестящие украшения и удобная мебель. Она не видела в этом ничего постыдного.

Когда-то у отца была лавка с дорогим фарфором. Он позволял ей рассматривать изделия, осторожно поворачивать их в руках и объяснял, почему одна чашка стоит дороже другой.

— Красота тоже имеет цену, Эвелин, — говорил он. — Но не всякая дорогая вещь действительно хороша.

Она тогда не совсем понимала его.

Теперь понимала.

И надеялась однажды окружить себя хорошими вещами.

Не обязательно самыми дорогими. Но своими.

Через два дня Пенроуз приехал снова.

На этот раз он привёз небольшой дорожный сундук, который должен был принадлежать Эвелин, и письмо с печатью графа.

Настоятельница лично передала ей письмо.

— Лорд Эшкрофт желает, чтобы вы прибыли в Блэкхолл до конца месяца.

Эвелин осторожно вскрыла конверт.

Почерк был красивым, старомодным, с характерными длинными росчерками.

Письмо оказалось коротким.

Мисс Хартли.

Мне сообщили о вашем согласии занять должность гувернантки моей дочери. Надеюсь, вы понимаете важность возложенной на вас обязанности и сумеете найти общий язык с леди Сесилией.

В Блэкхолле вы будете обеспечены всем необходимым для исполнения своей работы.

С уважением,

П. Эшкрофт, граф Эшкрофт.

Эвелин перечитала письмо.

— Очень сдержанно, — заметила она.

— Лорд не любит лишних слов, — пояснил Пенроуз. — Он предпочитает, чтобы люди судили о нём по поступкам.

— А леди Сесилия? Какая она?

Управляющий на мгновение задумался.

— Девочка особенная.

— В каком смысле?

— Она очень умна.

Эвелин улыбнулась.

— Это хорошо.

— Иногда даже слишком.

— Дети часто удивляют взрослых.

— Именно так, мисс Хартли.

Он произнёс это с такой серьёзностью, что Эвелин невольно рассмеялась.

Пенроуз, однако, не улыбнулся.

— Советую вам не делать поспешных выводов о Блэкхолле. Это старый дом. У него есть свои привычки.

— У каждого дома они есть, мистер Пенроуз.

— Не у каждого.

На этот раз Эвелин не нашла подходящего ответа.

День отъезда выдался холодным, но ясным.

У ворот приюта стояла карета с гербом Эшкрофтов. На дверце был изображён чёрный ворон на серебряном поле.

Эвелин вышла из здания с небольшим дорожным сундуком и сумкой, в которой лежали две книги, несколько писем от отца и пара личных вещей.

Она остановилась у ступеней.

Пять лет.

Пять лет она прожила здесь, среди строгих правил, холодных завтраков и чужих историй.

Она не испытывала к приюту ненависти. Некоторые женщины были добры к ней, некоторые — равнодушны. Но это никогда не было её домом.

— Эвелин!

Она обернулась.

Настоятельница стояла в дверях.

— Не забывай, кто ты и откуда вышла.

— Не забуду, матушка.

— И помни, что хорошее положение требует хорошего поведения.

— Я постараюсь.

Женщина подошла ближе и протянула ей небольшой пакет.

— Здесь немного денег на дорогу. На всякий случай.

Эвелин посмотрела на пакет.

— Благодарю вас.

— Не благодари. Просто будь благоразумна.

Эвелин спрятала деньги в сумку.

Затем поднялась в карету.

Пенроуз уже сидел внутри.

— Готовы, мисс Хартли?

— Да, сэр.

Дверца закрылась.

Карета тронулась.

Эвелин смотрела в окно, пока знакомые здания не исчезли за поворотом. Потом она откинулась на спинку сиденья и осторожно положила ладонь на дорожную сумку.

Впереди была новая жизнь.

И впервые за много лет её будущее зависело не от чужой милости, а от её собственной работы.

Она улыбнулась.

— Надеюсь, лорд Эшкрофт любит хороших гувернанток, — сказала она.

Пенроуз посмотрел на неё.

— Лорд Эшкрофт ценит преданность.

— Тогда мы непременно поладим.

Управляющий отвернулся к окну.

За стеклом проплывали поля, деревни и редкие фермерские дома. Чем дальше на север они уезжали, тем реже встречались поселения. Дорога становилась уже, леса — гуще, а небо — тяжелее.

К вечеру Эвелин заметила, что Пенроуз несколько раз проверил часы.

— Мы опаздываем? — спросила она.

— Нет.

— Тогда почему вы так беспокоитесь?

— Я не беспокоюсь, мисс Хартли.

— Разумеется.

Она решила не спорить.

Когда они остановились на ночлег в придорожной гостинице, Эвелин впервые увидела, насколько Пенроуз привык к особому распорядку.

Он настоял, чтобы ей приготовили отдельную комнату, проверил, хорошо ли заперты окна, и попросил трактирщика принести горячий чай.

— Вы очень заботливы, мистер Пенроуз.

— Это моя обязанность.

— Вы давно служите графу?

— Достаточно давно.

— Он хороший человек?

Управляющий посмотрел на неё.

— Лорд Эшкрофт — достойный хозяин.

— Это не совсем ответ.

— Другого у меня нет.

Эвелин вздохнула.

— Вы, должно быть, прекрасно храните секреты.

— В Блэкхолле это полезное умение.

Она хотела задать ещё один вопрос, но Пенроуз уже поднялся.

— Спокойной ночи, мисс Хартли. Завтра нам предстоит долгий путь.

На следующий день погода испортилась.

Сначала пошёл мелкий дождь, затем поднялся ветер. Карета двигалась по дороге, окружённой густыми лесами. Время от времени между деревьями мелькали старые каменные ограды и полуразрушенные часовни.

Эвелин читала книгу, но вскоре почувствовала, что укачивание мешает сосредоточиться.

Она отложила томик.

— Мистер Пенроуз, а лорд Эшкрофт часто принимает гостей?

— Иногда.

— У него большая семья?

— Нет.

— А родственники?

— Есть дальние.

— Они живут поблизости?

— Некоторые.

Эвелин посмотрела на него с лёгкой улыбкой.

— Вы отвечаете так, будто каждое слово стоит денег.

— Я привык говорить только то, что необходимо.

— Это, должно быть, очень удобно для управляющего.

На этот раз Пенроуз слегка улыбнулся.

— Возможно.

Карета свернула с большой дороги на узкий тракт. Впереди показались каменные столбы с гербом ворона.

За ними начиналась территория Блэкхолла.

Эвелин невольно подалась вперёд.

Она ожидала увидеть большой загородный дом, но то, что возникло перед ней через несколько минут, оказалось куда внушительнее.

Сначала показалась высокая башня.

Затем другая.

Потом из-за деревьев выступила длинная линия каменных стен с узкими окнами, а над ними — тёмная крыша главного здания.

Блэкхолл стоял на возвышении, словно вырос из самой скалы.

Это был не просто дом.

Это был настоящий старинный замок.

Эвелин смотрела на него, забыв о дожде и холоде.

— Господи, — прошептала она. — Какой же он огромный.

— Да, — согласился Пенроуз. — Блэкхолл строили несколько поколений.

Карета пересекла мост и остановилась перед массивными дубовыми воротами.

Они медленно открылись.

За воротами лежал широкий внутренний двор, вымощенный тёмным камнем. Вдоль стен стояли несколько экипажей, а у главного входа виднелись фигуры слуг.

Эвелин почувствовала, как сердце забилось быстрее.

Она приехала.

У входа её встретил пожилой дворецкий.

Он поклонился Пенроузу, затем внимательно посмотрел на новую гувернантку.

— Мисс Хартли?

— Да.

— Добро пожаловать в Блэкхолл. Я Томас Рид, дворецкий.

— Очень приятно.

— Ваши вещи уже отнесли наверх. Миссис Уэбб покажет вам комнату.

— Благодарю.

Эвелин вошла в холл.

Первое, что она заметила, был потолок.

Он находился так высоко, что казался почти недосягаемым. С потолочных балок свисала огромная люстра, украшенная множеством свечей. На стенах висели портреты людей в старинных одеждах, а у дальней стены стояли два рыцарских доспеха.

Пол был выложен чёрным и белым мрамором.

Здесь пахло воском, камнем и чем-то ещё — едва уловимым, напоминавшим сухие травы и старые книги.

Эвелин медленно повернула голову.

— Это всё великолепно, — невольно произнесла она.

Дворецкий посмотрел на неё.

— Блэкхолл старше большинства домов в графстве, мисс.

— Я никогда не видела ничего подобного.

— Со временем привыкнете.

Эвелин сомневалась, что такое возможно.

Миссис Уэбб оказалась полной женщиной лет пятидесяти с добрым лицом. Она отвела Эвелин на второй этаж, показала её комнату и объяснила распорядок.

Комната была просторной, с большим окном, письменным столом, кроватью с балдахином и отдельным шкафом.

На столе лежали чистая бумага, перья и чернильница.

Эвелин подошла к окну.

Отсюда открывался вид на парк, старые деревья и дальние холмы.

— Это моя комната? — спросила она.

— Да, мисс. Лорд распорядился, чтобы для вас подготовили именно её.

Эвелин провела пальцами по спинке кресла.

Мягкая ткань, гладкое дерево, аккуратно застеленная кровать.

Всё это было не временным местом в общей комнате приюта.

Это было её пространство.

— Здесь очень красиво, — сказала она.

— Надеюсь, вам понравится жить в Блэкхолле.

— Уверена, что понравится.

Миссис Уэбб улыбнулась.

— Тогда переодевайтесь. Ужин будет через час. Лорд желает видеть вас за столом.

Эвелин повернулась.

— Сегодня?

— Разумеется, мисс.

— А я должна буду сразу познакомиться с леди Сесилией?

— Если она пожелает присутствовать.

— Она часто ужинает с отцом?

Миссис Уэбб на мгновение замолчала.

— Не всегда.

— Почему?

— У каждого в этом доме свои привычки, мисс Хартли.

Эвелин уже начинала узнавать эту фразу.

Похоже, в Блэкхолле действительно было много привычек.

К ужину Эвелин выбрала своё лучшее платье — тёмно-синее, скромное, но аккуратно сшитое. Она тщательно причесала волосы, закрепила их простой заколкой и посмотрела на себя в зеркало.

Она выглядела немного бледной после долгой дороги, но вполне прилично.

— Ну что ж, Эвелин, — тихо сказала она своему отражению. — Не каждый день тебя приглашают ужинать с графом.

Она поправила воротник и вышла.

Дворецкий провёл её в столовую.

Это помещение было ещё более впечатляющим, чем холл. Длинный стол из тёмного дерева занимал почти всю комнату. Над ним висели три люстры, а на стенах размещались портреты предков Эшкрофтов.

У дальнего конца стола стоял мужчина.

Эвелин остановилась.

Она ожидала увидеть богатого аристократа, возможно, лет пятидесяти, с представительной внешностью и строгими манерами.

Но перед ней стоял человек гораздо старше.

Ему можно было дать около шестидесяти пяти лет. Волосы были совершенно седыми, лицо прорезали глубокие морщины, а тонкие губы подчёркивали суровость выражения. На нём был чёрный вечерний костюм, сидевший безупречно.

Он держался прямо, опираясь одной рукой на спинку стула.

В его внешности было что-то необычайно благородное и одновременно пугающее.

Эвелин присела в реверансе.

— Милорд.

— Мисс Хартли.

Голос графа оказался низким, глубоким и удивительно приятным.

— Надеюсь, дорога не слишком вас утомила?

— Благодарю, милорд. Всё прошло хорошо.

— Пенроуз сообщил, что вы умеете читать, писать и вести счета.

— Да, милорд.

— Ваш отец был торговцем?

Эвелин удивилась.

— Да. Он торговал тканями и фарфором.

— Значит, вы получили домашнее образование.

— Именно так, милорд.

Граф медленно кивнул.

— В наше время это становится редкостью даже среди людей, которые могут позволить себе учителей.

— Мне повезло с отцом.

— Возможно.

Он указал на стул.

— Прошу вас, садитесь.

Эвелин села.

Граф занял место напротив неё.

Вскоре появились слуги, принесли суп, горячее мясо, овощи и несколько блюд, названия которых Эвелин знала только по старым книгам.

Она старалась не показывать удивления.

Посуда была из тонкого фарфора, приборы — серебряные, а бокалы украшены изящной гравировкой.

Она никогда прежде не ужинала за таким столом.

— Вы впервые в Блэкхолле? — спросил граф.

— Да, милорд.

— И какое у вас впечатление?

Эвелин позволила себе улыбнуться.

— Я думаю, что никогда не видела дома прекраснее.

— Это весьма лестно для старого здания.

— Я не считаю его старым в плохом смысле.

— А в каком же?

— В хорошем. У него есть характер.

Граф посмотрел на неё с едва заметным интересом.

— Вы судите о доме по первому впечатлению?

— Пока да, милорд. Но мне хотелось бы узнать его лучше.

— Это разумно.

Он сделал небольшой глоток вина.

— Леди Сесилия завтра позавтракает с вами. Я полагаю, вы сможете начать занятия после обеда.

— Конечно, милорд.

— Не ждите от неё слишком быстрого послушания.

— Я постараюсь найти к ней подход.

— И не пытайтесь заставлять её делать то, чего она не желает.

Эвелин слегка удивилась.

— Но ведь образование требует определённой дисциплины.

— Разумеется. Однако дисциплина и принуждение — не одно и то же.

Он произнёс это без раздражения, но так, что спорить не хотелось.

— Я согласна, милорд.

Граф некоторое время молчал.

— Вы любите читать?

— Очень.

— Какие книги предпочитаете?

— Историю, географию, путешествия. Иногда романы.

— Романы?

— Да, милорд.

— И что же вы находите в них интересного?

Эвелин задумалась.

— Возможность увидеть жизнь, которой сама никогда не знала.

Граф поднял взгляд.

— Понимаю.

Она не могла сказать, почему этот короткий ответ прозвучал так необычно.

Будто он действительно понимал.

Будто за его плечами была не одна человеческая жизнь.

Но это было невозможно.

Эвелин опустила глаза к тарелке.

После ужина граф поднялся.

— Надеюсь, вы хорошо отдохнёте, мисс Хартли. Завтра вас познакомят с Сесилией.

— Благодарю, милорд.

Он слегка поклонился и направился к двери.

Когда граф проходил мимо, Эвелин почувствовала лёгкий запах дорогого табака и чего-то холодного, почти каменного.

Она проводила его взглядом.

— Мисс Хартли, — негромко произнёс Пенроуз, стоявший у двери. — Позвольте проводить вас.

— Благодарю.

Они вышли в коридор.

Эвелин немного помолчала, затем спросила:

— Лорд Эшкрофт всегда такой серьёзный?

— Почти всегда.

— Он кажется очень строгим.

— Он справедлив.

— А сколько ему лет?

Пенроуз посмотрел на неё.

— Лорду?

— Да.

— Достаточно, чтобы не считать возраст предметом обсуждения.

Эвелин сдержала улыбку.

— Понимаю.

— Вы привыкнете, мисс Хартли.

— Вы уже говорили мне это сегодня.

— Значит, совет оказался полезным.

Он остановился у лестницы.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мистер Пенроуз.

Эвелин поднялась к себе.

В комнате было тепло. На столе стояла ваза со свежими цветами, а рядом лежал небольшой свёрток.

Она развернула его.

Внутри оказалось несколько листов хорошей бумаги, новая чернильница и изящное перо.

К ним прилагалась записка.

Для занятий с леди Сесилией.

П. Эшкрофт.

Эвелин улыбнулась.

Это был приятный знак внимания.

Она подошла к окну.

Внизу, в глубине парка, горели несколько фонарей. Ветер качал ветви деревьев, и тени двигались по дорожкам.

Блэкхолл казался совершенно другим миром.

Миром, в котором всё было большим, старым, дорогим и немного загадочным.

Она подумала о графе.

О его седых волосах, глубоком голосе и безупречных манерах.

Он не был красивым молодым мужчиной из романтической истории. Но в нём имелось достоинство, которое привлекало внимание.

Эвелин вдруг поймала себя на мысли, что ей хотелось бы узнать его получше.

Она улыбнулась собственным мыслям.

— Не глупи, — тихо сказала она себе. — Ты приехала работать.

Затем закрыла окно, погасила свечу и легла в постель.

Она ещё не знала, что в этом доме некоторые вещи не менялись десятилетиями.

И что маленькая девочка, которую ей предстояло учить читать, уже давно умела читать не только книги, но и человеческие лица.

А за окнами Блэкхолла, среди тёмных деревьев, стоял человек, который не отражался в старом зеркале у входа.

Но Эвелин этого не видела.

Пока не видела.

Глава 2. Девочка, которая не любила уроки

Утро в Блэкхолле начиналось не с колокольного звона, не с шума кухонной прислуги и даже не с солнечного света.

Оно начиналось с тишины.

Эвелин проснулась, открыла глаза и несколько секунд не могла понять, где находится. Незнакомый потолок с лепниной, тяжёлые занавеси, широкая кровать с балдахином — всё это казалось частью сна.

Потом она вспомнила вчерашний вечер.

Блэкхолл. Граф Эшкрофт. Новая должность.

Она села на кровати и улыбнулась.

Никогда прежде у неё не было такой комнаты. Даже в детстве, когда отец ещё торговал, они жили довольно скромно. Дом был уютным, но маленьким. Здесь же можно было разместить две её прежние комнаты, и ещё осталось бы место для гостей.

Эвелин откинула одеяло и подошла к окну.

Утренний туман лежал над парком. За ним виднелись старые деревья, каменная ограда и небольшой пруд. На противоположном берегу стояла беседка, увитая плющом.

Всё выглядело так, словно художник нарисовал пейзаж для старинной сказки.

— Прекрасно, — прошептала Эвелин.

Она умылась, оделась и спустилась к завтраку.

Миссис Уэбб уже ждала её в коридоре.

— Доброе утро, мисс Хартли. Хорошо спали?

— Превосходно. Благодарю.

— Сегодня вам предстоит познакомиться с леди Сесилией.

— Я немного волнуюсь.

— Не стоит. Она не кусается.

Эвелин рассмеялась.

— Это уже обнадёживает.

Миссис Уэбб улыбнулась, но улыбка её быстро исчезла.

— Только не сердитесь, если девочка будет вести себя необычно.

— Дети часто ведут себя необычно.

— Да, мисс. Но леди Сесилия несколько отличается от других детей.

— В каком отношении?

— Она очень любит задавать вопросы.

— Это прекрасно. Любознательность — хорошее качество.

— Не все её вопросы удобны.

Эвелин решила, что речь идёт о детской непосредственности.

— Постараюсь не смущаться.

Миссис Уэбб ничего не ответила и повела её в столовую.

Завтрак подавали в небольшой комнате с окнами на восточную сторону. В отличие от вчерашней столовой, здесь не было длинного стола и многочисленных портретов. Комната казалась почти домашней.

На столе стояли чайник, молоко, свежий хлеб, масло, яйца, фрукты и несколько видов варенья.

Эвелин села и с удовольствием налила себе чаю.

— Леди Сесилия скоро придёт, — сказала миссис Уэбб.

— Она любит завтракать здесь?

— Когда пожелает.

— А когда не желает?

— Тогда завтракает в своей комнате.

Эвелин намазала хлеб маслом.

— Надеюсь, мы подружимся.

Миссис Уэбб посмотрела на неё с выражением, которое Эвелин уже начинала узнавать.

В этом доме люди постоянно знали что-то, чего не знала она.

— Вы увидите, мисс.

Дверь открылась.

В комнату вошла девочка.

Она была невысокой, с тёмными волосами, собранными в две аккуратные косички. На ней было светлое платье с кружевным воротничком, белые чулки и чёрные туфельки.

В руках она держала плюшевого медведя.

Девочка остановилась у порога и посмотрела на Эвелин.

— Вы новая гувернантка?

— Да. Доброе утро, леди Сесилия.

— Доброе утро.

Девочка подошла к столу, забралась на стул и посадила медведя рядом.

— Это мистер Бартоломью, — сообщила она.

— Очень приятно познакомиться с мистером Бартоломью.

— Он не любит новых людей.

— Тогда надеюсь, что со временем он изменит своё мнение.

Сесилия внимательно посмотрела на неё.

— Вы умеете разговаривать с игрушками?

— Если они ведут себя прилично.

Девочка неожиданно улыбнулась.

— Мне кажется, вы мне понравитесь.

— Это взаимно.

Эвелин предложила ей варенье.

Сесилия выбрала клубничное и намазала его на хлеб с таким усердием, будто занималась важнейшим делом в своей жизни.

— Вы любите сладкое? — спросила Эвелин.

— Очень.

— Как и я.

— А вы любите пирожные?

— Конечно.

— А шоколад?

— Особенно шоколад.

Сесилия посмотрела на неё с уважением.

— Тогда у нас есть кое-что общее.

Эвелин рассмеялась.

Девочка оказалась гораздо приятнее, чем она ожидала.

— Скажите, леди Сесилия, вы любите заниматься?

— Нет.

Ответ прозвучал настолько быстро, что Эвелин едва не поперхнулась чаем.

— Совсем?

— Совсем.

— Даже рисовать?

— Иногда.

— Читать?

— Нет.

— А слушать истории?

Сесилия задумалась.

— Зависит от того, кто рассказывает.

— Тогда я постараюсь рассказывать хорошо.

Девочка откусила кусочек хлеба.

— А вы строгая?

— Иногда.

— Очень строгая?

— Только когда это необходимо.

— А если я не захочу учиться?

— Тогда мы постараемся выяснить почему.

Сесилия посмотрела на неё с неожиданным интересом.

— Вы не будете заставлять меня?

— Я буду просить вас заниматься. А если вы откажетесь, мы поговорим.

— Вы странная.

— Мне уже говорили подобное.

— Хорошо. Странные люди иногда бывают интересными.

Эвелин улыбнулась.

Она уже начинала понимать, почему граф искал именно такую гувернантку. Сесилия не была глупой или избалованной. Скорее, она просто не привыкла подчиняться обычным правилам.

После завтрака они отправились в учебную комнату.

Она находилась в восточном крыле замка, неподалёку от детских покоев. Это была просторная светлая комната с большим окном, письменным столом, книжными шкафами и несколькими картинами.

У стены стоял небольшой глобус.

На полках лежали учебники, тетради, альбомы для рисования и коробки с игрушками.

Эвелин остановилась у книжного шкафа.

— Здесь очень хорошая коллекция.

— Она скучная, — ответила Сесилия.

— Почему?

— Потому что книги заставляют думать.

— А разве это плохо?

— Иногда.

Эвелин взяла одну из книг и открыла её.

— Посмотрим, что у нас здесь.

Это оказался учебник географии.

— Вы знаете, что изображено на этом глобусе?

— Земля.

— Правильно. А это?

— Море.

— А здесь?

— Страна.

Эвелин подняла брови.

— Вы уже знакомы с географией?

— Немного.

— Тогда, возможно, начнём с чтения.

Сесилия вздохнула.

— Я знала, что всё закончится именно этим.

Эвелин села за стол.

— У вас есть любимая книга?

— Есть.

— Какая?

— Та, которую мне не дают читать.

— Почему?

— Потому что она слишком взрослая.

Эвелин нахмурилась.

— Что за книга?

— История одного путешественника.

— И в чём же её неприличие?

— Там есть слова, которые дети не должны знать.

Эвелин едва заметно улыбнулась.

— А вы знаете эти слова?

— Конечно.

— Откуда?

— Я давно живу.

Эвелин посмотрела на неё.

— Вам шесть лет.

Сесилия пожала плечами.

— Так написано в документах.

Эвелин решила, что девочка шутит.

— Что ж, леди Сесилия, начнём с алфавита.

— Я его знаю.

— Прекрасно. Тогда прочитайте эту страницу.

Сесилия взяла книгу, открыла наугад и начала читать.

Она читала уверенно, без запинок, правильно расставляя интонации. Более того, произносила некоторые слова с таким выражением, будто сама написала эту книгу.

Эвелин слушала всё внимательнее.

Когда девочка закончила, гувернантка забрала книгу.

— Очень хорошо.

— Я же говорила.

— Но я хотела бы проверить ваше письмо.

— Зачем?

— Чтобы понять, чему вас нужно учить.

Сесилия посмотрела на неё.

— Вы действительно собираетесь учить меня?

— Именно для этого меня сюда и пригласили.

— А если я не хочу?

— Тогда вам придётся придумать способ меня убедить.

Девочка улыбнулась.

— Это будет непросто.

Первое занятие закончилось неожиданно быстро.

Сесилия знала гораздо больше, чем предполагала Эвелин. Она читала без затруднений, умела писать, знала основы арифметики и даже могла назвать несколько исторических событий.

Но её знания были странными.

Она могла рассказать о древнем Риме, однако не знала, сколько будет семь умножить на восемь.

Она знала имена нескольких королей, но путала названия обычных предметов.

А ещё она совершенно не желала писать упражнения.

— Почему вы не хотите заниматься арифметикой? — спросила Эвелин.

— Потому что числа скучные.

— Они помогают понимать мир.

— Мир и без них прекрасно существует.

— Но как же тогда вести счета?

— Для этого есть управляющий.

Эвелин рассмеялась.

— Вы, должно быть, очень хорошо ладите с мистером Пенроузом.

— Он скучный.

— Он очень серьёзный человек.

— Именно.

Сесилия встала и подошла к игрушечному домику, стоявшему на низком столике.

Она усадила туда медведя, затем достала деревянную лошадку.

— А вы играете? — спросила Эвелин.

— Иногда.

— Во что?

— В семейную жизнь.

Эвелин улыбнулась.

— И кто же у вас семья?

— Мистер Бартоломью — мой муж. Лошадка — наша служанка. А кукла — моя сестра.

— Очень необычная семья.

— У нас всё хорошо. Муж не спорит, служанка не жалуется, а сестра никогда не просит денег.

— Звучит как идеальное хозяйство.

Сесилия рассмеялась.

И в этот момент Эвелин впервые увидела в ней совершенно обычного ребёнка.

Не странную маленькую леди с необычными словами, не избалованную наследницу старинного рода, а девочку, которая просто хотела играть.

Эвелин присела рядом.

— А можно мне присоединиться?

Сесилия посмотрела на неё с подозрением.

— Вы умеете играть?

— Думаю, да.

— Тогда вы будете соседкой.

— Почему не родственницей?

— Потому что соседка может приходить в гости и приносить пирожные.

Эвелин рассмеялась.

— Справедливо.

Они играли почти четверть часа.

Затем Сесилия внезапно посмотрела на часы.

— Вы знаете, который час?

— Почти двенадцать.

— Значит, папа скоро придёт.

— Лорд Эшкрофт?

— Да.

— Вы любите проводить с ним время?
Сесилия перестала двигать лошадку.
— Иногда.
— Он строгий?
— Очень.
— Но ведь он ваш отец.
— Это не мешает ему быть строгим.
Эвелин не стала спорить.
— А вы часто видитесь?
— Когда он дома.
— А когда его нет?
— Тогда я скучаю.
Последние слова прозвучали тихо.
Эвелин посмотрела на девочку.
— Он много работает?
— Он очень старый.
Эвелин улыбнулась.
— Возможно, ему просто нужно больше отдыхать.
Сесилия подняла глаза.
— Вы считаете его старым?
— Разве нет?
Девочка долго смотрела на неё.
— Он старше, чем вы думаете.
— Все родители старше своих детей.
— Не все настолько.
Эвелин решила, что это очередная детская загадка.
В полдень в учебную комнату постучали.
На пороге стоял граф Эшкрофт.
Он был одет в тёмный жилет и белую рубашку, а в руках держал пару перчаток.
— Добрый день, милорд, — произнесла Эвелин, поднимаясь.
— Добрый день.
Сесилия тут же подбежала к нему.
— Папа!
Граф наклонился и поцеловал дочь в лоб.
— Как прошёл урок?
— Скучно.
— Значит, всё прошло как обычно.
— Эвелин не такая скучная, как другие гувернантки.
Граф посмотрел на новую наставницу.
— Рад это слышать.
— Леди Сесилия обладает весьма обширными знаниями, милорд, — сказала Эвелин. — Её чтение превосходно. Однако есть пробелы в арифметике и письме.
— Я предупреждал вас, что она не любит занятия.
— Да, милорд. Но думаю, мы найдём подход.
— Надеюсь.
Сесилия потянула отца за рукав.
— Папа, можно мне сегодня поехать в деревню?
— Нет.
— Почему?

— Погода испортилась.
— Но дождя нет.
— Пока нет.
— Это несправедливо.
— Это предусмотрительность.
Девочка вздохнула.
— Вы всегда так говорите.
Граф посмотрел на неё с лёгкой улыбкой.
— Потому что ты всегда споришь.
Сесилия обняла его за руку.
— А можно мне пирожное?
— Одно.
— Два.
— Одно.
— Полтора.
Эвелин не удержалась от смеха.
Граф посмотрел на неё.
— Кажется, у моей дочери появился союзник.
— Я стараюсь сохранять нейтралитет, милорд.
— Очень разумная позиция.
Сесилия получила обещание пирожного и убежала в соседнюю комнату.
Граф проводил её взглядом.
Затем повернулся к Эвелин.
— Как вы находите её?
— Умной, милорд. И любознательной.
— Это не всегда облегчает воспитание.
— Зато делает его интересным.
Граф некоторое время молчал.
— Вы не испугались её характера?
— Нет. Она просто привыкла, что взрослые заранее знают, какой она должна быть.
— И что же вы намерены делать?
— Попробую узнать, какой она хочет быть сама.
Эшкрофт внимательно посмотрел на неё.
— Вы говорите необычные вещи для гувернантки.
— Надеюсь, не слишком неподходящие.
— Нет. Напротив.
Он снял перчатки и положил их на стол.

— Я хотел бы попросить вас об одной услуге. Не ограничивайте её занятия исключительно учебниками. Ей необходимо общение, прогулки, музыка, чтение историй. Она должна иметь возможность радоваться обычным вещам.

Эвелин кивнула.
— Я понимаю, милорд.
— И ещё. Если она задаёт вопросы, не лгите ей без необходимости.
— Постараюсь.
— Даже если вопрос покажется вам странным.
Эвелин вспомнила слова девочки о том, что она давно живёт.
— Думаю, с этим проблем не будет.
Граф посмотрел на неё чуть дольше, чем требовалось.
— Хорошо.

Он направился к двери, но перед тем как выйти, обернулся.

— Мисс Хартли.

— Да, милорд?

— Благодарю вас за сегодняшний урок.

— Это моя работа.

— Не всякая работа выполняется с таким вниманием.

Он слегка поклонился и вышел.

Эвелин осталась стоять посреди комнаты.

Она не ожидала услышать благодарность от человека, который, судя по всему, редко хвалил окружающих.

И всё же ей было приятно.

После обеда Сесилия настояла на прогулке.

Дождь действительно прекратился, и Эвелин решила, что немного свежего воздуха пойдёт обеим на пользу.

Они вышли в парк.

Сесилия держала под мышкой плюшевого медведя, а Эвелин накинула тёплую шаль.

— Вам нравится Блэкхолл? — спросила девочка.

— Очень.

— А мой отец?

Эвелин слегка удивилась.

— Что именно?

— Он вам нравится?

— Ваш отец кажется мне достойным человеком.

— Это не ответ.

Эвелин улыбнулась.

— Вы очень любите задавать неудобные вопросы.

— Я же говорила.

Они прошли по гравийной дорожке.

— Он красивый? — неожиданно спросила Сесилия.

Эвелин посмотрела на неё.

— Ваш отец?

— Да.

— У него благородная внешность.

— Это значит, что он старый?

— Это значит, что он выглядит как настоящий аристократ.

Сесилия задумалась.

— А вам нравятся старые мужчины?

Эвелин чуть не споткнулась.

— Леди Сесилия!

— Что?

— Такие вопросы не задают юным девочкам.

— Почему?

— Потому что это взрослые разговоры.

Сесилия посмотрела на неё с неожиданно печальным выражением.

— Мне уже давно не рано.

Эвелин остановилась.

На мгновение ей показалось, что за этой фразой скрывается нечто большее, чем обычная детская игра словами.

Но девочка тут же подняла медведя.

— Мистер Бартоломью хочет увидеть пруд.

Эвелин посмотрела на неё, затем на игрушку.

— Тогда не будем его разочаровывать.

Они продолжили прогулку.

Вечером Эвелин сидела за письменным столом и составляла программу занятий на следующую неделю.

Она записала чтение, письмо, арифметику, географию и историю. Затем добавила рисование, прогулки и чтение вслух.

Всё должно было быть разумным, но не чрезмерно строгим.

Она хотела, чтобы Сесилия полюбила занятия, а не воспринимала их как наказание.

Когда работа была закончена, Эвелин отложила перо и открыла окно.

Над парком уже сгущались сумерки.

В одном из окон нижнего этажа горел свет.

Она узнала кабинет графа по тяжёлым шторам и высоким книжным шкафам. Внутри мелькнула фигура Эшкрофта.

Он стоял у письменного стола, читая какой-то документ.

Эвелин задержала взгляд.

Даже издалека было заметно, насколько прямо он держится. Несмотря на седину и морщины, движения графа казались уверенными и точными.

Он выглядел старым человеком, но не слабым.

Впрочем, ей не следовало слишком долго наблюдать за хозяином дома.

Она закрыла окно.

Затем взяла книгу и устроилась в кресле.

Впервые за много лет ей предстояло жить среди людей, которые не считали её образование странностью или ненужной роскошью.

И, возможно, впервые она действительно могла стать кем-то большим, чем просто воспитанница приюта.

Она ещё не знала, что Сесилия сегодня вечером попросит отца не отпускать новую гувернантку.

И что граф, услышав эту просьбу, ответит:

— Не беспокойся, дорогая. Мисс Хартли останется с нами.

А затем добавит почти неслышно:

— Если только Блэкхолл не окажется для неё слишком странным местом.

Глава 3. Хозяин Блэкхолла

На третий день пребывания в Блэкхолле Эвелин проснулась с твёрдым намерением доказать, что не зря получила эту должность.

Она уже успела понять: леди Сесилия была не самым обычным ребёнком. Девочка могла прочитать страницу сложного текста, а затем заявить, что не желает писать собственное имя. Она знала имена давно умерших королей, но могла забыть, куда положила любимого медведя. Иногда говорила как взрослая женщина, а иногда искренне радовалась клубничному варенью и новой ленте для волос.

Эвелин решила не пытаться разгадать её за один день.

Вместо этого она собиралась стать хорошей гувернанткой.

А для этого следовало познакомиться с домом, его распорядком и, разумеется, хозяином.

Последний пункт представлялся ей наиболее сложным.

Лорд Перегрин Эшкрофт был человеком сдержанным. Он не повышал голоса, не разбрасывался похвалами и, казалось, никогда не делал ничего без определённой причины. При этом в его присутствии Эвелин невольно выпрямляла спину и следила за каждым словом.

Она не боялась его.

Но хотела ему понравиться.

И это было несколько неприятно признавать даже самой себе.

Утро началось с неожиданного происшествия.

Когда Эвелин вошла в учебную комнату, Сесилия сидела на полу среди разбросанных книг.

Перед ней стояла большая деревянная коробка.

— Доброе утро, леди Сесилия.

— Доброе утро.

— Что вы делаете?

— Ищу сокровища.

Эвелин посмотрела на коробку.

— И как успехи?

— Пока нашла старую пуговицу, две ленточки и письмо.

— Письмо?

Сесилия подняла пожелтевший лист.

— Оно очень старое.

— Откуда оно?

— Из коробки.

— Это я вижу.

Девочка улыбнулась.

— Вы сегодня особенно наблюдательны.

Эвелин присела рядом.

На письме действительно стояла старая печать с изображением ворона. Бумага была хрупкой, чернила местами выцвели.

— Вы умеете читать такой почерк? — спросила Сесилия.

— Попробую.

Эвелин осторожно развернула лист.

Текст оказался написан довольно сложным почерком, но она смогла разобрать большую часть.

Моему дорогому брату...

Дальше следовало несколько строк, посвящённых семейным обстоятельствам. Эвелин нахмурилась.

— Это письмо кому-то из Эшкрофтов?

— Наверное.

— Откуда вы его взяли?

— Оно лежало в коробке с моими игрушками.

— Странное место для письма.

— В Блэкхолле много странных мест.

Эвелин посмотрела на девочку.

— Вы часто находите такие вещи?

— Иногда.

— А ваш отец знает?

— Папа знает почти всё.

— Почти?

— Он не знает, куда я спрятала шоколад.

Эвелин рассмеялась.

— Это действительно серьёзная тайна.

Сесилия быстро убрала письмо обратно.

— Можно сегодня не заниматься арифметикой?

— Нет.

— А если я буду очень хорошо себя вести?

— Тогда всё равно придётся заниматься арифметикой.

— Вы жестокая женщина, мисс Хартли.

— Благодарю за комплимент.

К полудню Эвелин закончила занятия и решила воспользоваться свободным временем, чтобы осмотреть библиотеку.

Она уже успела заметить её двери в конце главного коридора. Высокие двустворчатые створки из тёмного дерева украшала резьба с тем же вороном, который был изображён на гербе семьи.

Когда Эвелин вошла, она остановилась на пороге.

Библиотека оказалась огромной.

Книжные шкафы поднимались почти до потолка. Между ними стояли деревянные лестницы, а в центре комнаты располагались несколько столов с зелёными лампами. Окна были высокими, с узкими переплётами, через которые проникал рассеянный дневной свет.

Эвелин медленно прошла вдоль полок.

Здесь были исторические труды, географические атласы, философские сочинения, старые романы, книги по естествознанию и несколько томов на иностранных языках.

Она провела пальцами по корешкам.

— Великолепно, — прошептала она.

— Вам нравится?

Эвелин обернулась.

В дверях стоял граф Эшкрофт.

На нём был тёмный костюм, белая рубашка и жилет с серебряной цепочкой часов. Седые волосы были аккуратно зачёсаны назад.

— Милорд! Простите, я не хотела входить без разрешения.

— Библиотека открыта для домашних, мисс Хартли.

— Благодарю.

— Вы любите книги?

— Очень.

— Пенроуз говорил мне об этом.

Эвелин улыбнулась.

— Я надеюсь, вы не возражаете, если я иногда буду брать их для занятий с леди Сесилией?

— Напротив. Здесь достаточно книг для нескольких поколений гувернанток.

Граф подошёл к ближайшему шкафу.

— Что именно вас интересует?

— История, география, путешествия. Я бы хотела найти что-нибудь подходящее для Сесилии.

— Тогда посмотрите вон там. На нижних полках стоят книги, которые я приобретал специально для неё.

Эвелин направилась к указанному шкафу.

Там действительно оказалось несколько прекрасно изданных книг с цветными иллюстрациями.

Она достала одну из них.

— Атлас природы. Как замечательно!

— Вы умеете рисовать?

— Немного.

— А ваша воспитанница?

— Она любит рисовать, но не очень любит писать.

— Значит, у неё есть вкус.

Эвелин рассмеялась.

— Вы очень снисходительны к её недостаткам, милорд.

— Я отец.

— Это многое объясняет.

Граф посмотрел на неё.

В его глазах мелькнуло нечто похожее на улыбку.

— Вы быстро освоились в доме.

— Я стараюсь, милорд.

— И как вам наши порядки?

Эвелин задумалась.

— Здесь всё устроено несколько необычно.

— В каком смысле?

— Люди очень вежливы, но редко говорят прямо.

Граф чуть приподнял брови.

— Любопытное наблюдение.

— Возможно, я ошибаюсь.

— Возможно.

Он взял с полки старинный том.

— Блэкхолл действительно отличается от других домов. Но вы не должны бояться задавать вопросы, если что-то непонятно.

Эвелин посмотрела на него.

— Даже вам?

— Особенно мне, если вопрос касается вашей работы.

Она почувствовала облегчение.

— Тогда у меня есть один вопрос, милорд.

— Слушаю.

— Почему в доме так мало семейных портретов в жилых комнатах? Большинство находится в холле и галереях.

Граф медленно закрыл книгу.

— Потому что я предпочитаю не окружать себя изображениями умерших родственников во время завтрака.

Эвелин не ожидала такого ответа.

— Простите.

— Не извиняйтесь. Это разумный вопрос.

Он повернулся к окну.

— Некоторые картины имеют слишком печальную историю.

Эвелин не стала продолжать.

Она уже поняла, что в Блэкхолле существуют темы, которые лучше не затрагивать без необходимости.

В библиотеке они провели почти час.

Граф оказался неожиданно приятным собеседником, если разговор касался книг, истории или путешествий. Он знал множество подробностей о разных странах, помнил имена давно умерших исследователей и мог без труда рассказать, почему одна историческая теория оказалась ошибочной.

Эвелин слушала с искренним интересом.

— Вы много путешествовали, милорд?

— Достаточно.

— По всей Европе?

— По большей части.

— И где вам понравилось больше всего?

Граф задумался.

— В разных местах есть своя красота. Но я всегда возвращался сюда.

— В Блэкхолл?

— Да.

— Почему?

Он посмотрел на неё.

— Потому что здесь мой дом.

Ответ прозвучал просто, но Эвелин почувствовала, что за ним стоит нечто большее.

Она решила сменить тему.

— А леди Сесилия любит путешествовать?

— Ей нравится всё новое.

— Это хорошо.

— Но она не любит долгих поездок.

— Как и многие дети.

— Возможно.

Граф положил книгу на стол.

— Мисс Хартли, я хотел бы обсудить с вами условия вашей службы.

Эвелин выпрямилась.

— Разумеется, милорд.

— Вы уже ознакомились с договором?

— Да. Всё изложено ясно.

— Если вам потребуется что-то дополнительно для работы, обращайтесь к Пенроузу. Не следует тратить собственные деньги на учебные принадлежности.

— Благодарю, милорд.

— Кроме того, я распорядился, чтобы вам выдали одежду для занятий и прогулок. Вы не обязаны приобретать её самостоятельно.

Эвелин почувствовала, как её щёки слегка порозовели.

— Это очень щедро.

— Это часть условий службы.

— Всё равно благодарю.

— И ещё одно.

Он сделал небольшую паузу.

— Если кто-либо из прислуги позволит себе обращаться с вами неподобающим образом, немедленно сообщите мне.

Эвелин удивилась.

— Я не думаю, что это потребуется.

— Надеюсь.

Граф посмотрел на неё внимательно.

— Вы приехали сюда работать, а не терпеть чужое высокомерие.

Эвелин не сразу нашлась с ответом.

Впервые за долгое время кто-то говорил с ней так, будто её достоинство не зависело от происхождения.

— Благодарю вас, милорд.

— Не за что.

Он взял перчатки.

— До обеда, мисс Хартли.

— До обеда.

Когда граф вышел, Эвелин ещё некоторое время стояла возле стола.

Она неожиданно поняла, что ей хочется заслужить его уважение.

Не только потому, что он был хозяином дома.

А потому, что она начинала уважать его сама.

После обеда Эвелин решила устроить Сесилии небольшую прогулку.

День был прохладным, но солнечным. Они отправились к старой оранжерее, где росли розы, камелии и несколько экзотических растений.

Сесилия несла корзинку с печеньем.

— Вы знаете, мисс Хартли, — сказала она, — мой отец очень редко разговаривает с новыми людьми.

— Правда?

— Да. Обычно он просто смотрит на них.

— И что это означает?

— Что он уже всё понял.

Эвелин улыбнулась.

— Ваш отец производит впечатление человека наблюдательного.

— Он очень наблюдательный.

— А вы похожи на него?

Сесилия задумалась.

— Иногда.

— В чём именно?

— Я тоже замечаю, когда люди лгут.

Эвелин посмотрела на неё.

— И часто замечаете?

— Почти всегда.

— Тогда мне придётся быть с вами осторожнее.

Сесилия засмеялась.

Они вошли в оранжерею.

Внутри было тепло и влажно. На стеклянных стенах блестели капли воды, а среди зелени стояли небольшие каменные статуи.

Сесилия подошла к розовому кусту.

— Эти розы посадила моя мама.

Эвелин остановилась.

— Ваша мама?

— Да.

— Она давно умерла?

Сесилия опустила глаза.

— Очень давно.

— Мне жаль.

— Вы её не знали.

— Но всё равно мне жаль, что вы её потеряли.

Девочка осторожно коснулась лепестка.

— Папа говорит, что она была очень красивой.

— Наверняка.

— И доброй.

— Вам её не хватает?

Сесилия не ответила сразу.

— Иногда я забываю её лицо.

Эвелин почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Но вы помните её голос?

— Да.

— Тогда это уже очень много.

Сесилия посмотрела на неё.

— Вы добрая, мисс Хартли.

— Я стараюсь.

Девочка вдруг улыбнулась.

— А теперь можно съесть печенье?

Эвелин рассмеялась.

— Разумеется.

Они сели на скамью и открыли корзинку.

Сесилия взяла сразу два печенья.

— Вы ведь не собираетесь меня ругать? — спросила она.

— За два печенья?

— За три.

Эвелин посмотрела на корзинку.

— Леди Сесилия, я не собираюсь устраивать расследование по поводу каждого печенья.

— Тогда вы точно хорошая гувернантка.

Ближе к вечеру Эвелин отправилась в восточное крыло, чтобы вернуть в библиотеку несколько книг.

На обратном пути она услышала музыку.

Тихие звуки фортепиано доносились из одной из комнат.

Она остановилась.

Мелодия была прекрасной, но очень печальной. В ней было что-то старинное, словно её сочинили много лет назад.

Эвелин подошла ближе.

Дверь оказалась приоткрыта.

За инструментом сидел граф Эшкрофт.

Он играл медленно, не глядя на клавиши. Его длинные пальцы двигались уверенно, и в каждом звуке чувствовалось мастерство человека, который занимался музыкой не один год.

Эвелин невольно задержалась.

Когда мелодия закончилась, граф поднял голову.

— Мисс Хартли?

Она смутилась.

— Простите, милорд. Я не хотела мешать.

— Вы не мешаете.

— Я услышала музыку.

— И вам понравилось?

— Очень.

— Это старая композиция.

— Кто её написал?

Граф помолчал.

— Человек, которого я когда-то знал.

— Он был музыкантом?

— Да.

Эвелин посмотрела на ноты.

— Вы прекрасно играете.

— Когда-то я играл лучше.

— Не думаю, что это возможно.

Он слегка улыбнулся.

— Вы слишком любезны.

— Нет, милорд. Я говорю правду.

Граф поднялся из-за инструмента.

— Вы играете?

— Нет. Меня этому не учили.

— Жаль.

— Почему?

— Музыка помогает человеку выразить то, для чего иногда не хватает слов.

Эвелин задумалась.

— Возможно, мне стоило бы научиться.

— Если захотите, в Блэкхолле найдётся преподаватель.

Она улыбнулась.

— Вы действительно очень щедры.

— Не стоит благодарности.

На несколько секунд между ними повисла тишина.

Эвелин вдруг поняла, что рассматривает его лицо.

Седые волосы, глубокие морщины у глаз, тонкие губы, строгий подбородок.

В нём не было той молодости, которую обычно воспевали романтические романы.

Но его осанка, голос и манеры обладали особенным достоинством.

И, пожалуй, именно это привлекало её внимание.

Она отвела взгляд.

— Мне пора, милорд.

— Конечно.

Эвелин сделала реверанс и вышла.

Вечером, когда она уже собиралась лечь спать, в дверь постучали.

— Войдите.

На пороге стояла Сесилия.

Она была в ночной рубашке, а в руках держала мистера Бартоломью.
— Леди Сесилия? Что случилось?
— Я хотела поговорить.
Эвелин отложила книгу.
— Конечно. Проходите.
Девочка забралась в кресло.
— Вы завтра останетесь?
— Разумеется. Почему вы спрашиваете?
— Некоторые гувернантки уезжали.
— Почему?
— Потому что им не нравился Блэкхолл.
Эвелин задумалась.
— А вам хочется, чтобы я осталась?
Сесилия крепче прижала медведя.
— Да.
— Тогда я постараюсь не разочаровать вас.
Девочка помолчала.
— Вы нравитесь папе.
Эвелин удивлённо посмотрела на неё.
— С чего вы взяли?
— Он разговаривает с вами.
— Он разговаривает со мной, потому что я работаю в его доме.
— Нет. С другими он так не разговаривает.
Эвелин улыбнулась.
— Ваш отец очень вежливый человек.
— Иногда.
Сесилия спрыгнула с кресла.
— Спокойной ночи, мисс Хартли.
— Спокойной ночи, дорогая.
Девочка подошла к двери, но остановилась.
— И ещё.
— Да?
— Не влюбляйтесь в моего папу.
Эвелин застыла.
— Что?
Сесилия посмотрела на неё с совершенно серьёзным лицом.
— Он очень старый. И очень занятой. А ещё он ужасно упрямый.
Эвелин прикрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться.
— Леди Сесилия, это совершенно неподходящий разговор.
— Я просто предупреждаю.
— Благодарю за заботу.
— Пожалуйста.
Девочка вышла.
Эвелин ещё некоторое время смотрела на закрытую дверь.
Затем тихо рассмеялась.
— Невероятный ребёнок.
Она вернулась к книге, но сосредоточиться уже не смогла.
Почему Сесилия решила предупредить её именно об этом?

И почему слова девочки неожиданно заставили её вспомнить музыку, звучавшую сегодня в комнате графа?

Тем временем в кабинете Перегрина Эшкрофта горел единственный светильник.

Граф сидел за письменным столом, перед ним лежали письма и несколько старых документов.

В дверь постучали.

— Войдите.

Появился Пенроуз.

— Вы звали меня, милорд?

— Да. Как мисс Хартли?

— Хорошо освоилась. Леди Сесилия к ней привязалась.

— Это заметно.

Пенроуз положил на стол небольшой лист бумаги.

— Я проверил её рекомендации. Всё соответствует действительности. Девушка действительно получила образование от отца, а после его смерти воспитывалась в приюте.

— Она производит впечатление разумной.

— Да, милорд.

Граф посмотрел на огонь в камине.

— Она не боится задавать вопросы.

— Это может стать проблемой.

— Для кого?

Пенроуз не ответил.

Эшкрофт взял со стола один из документов.

— Она заметила, что люди в этом доме не любят говорить прямо.

— У неё наблюдательный ум.

— Это редкое качество.

— Особенно среди людей её происхождения.

Граф поднял глаза.

— Не следует судить о человеке по происхождению, Пенроуз.

— Разумеется, милорд.

Несколько мгновений они молчали.

Затем граф произнёс:

— Думаю, она останется.

— Надеюсь, милорд.

— Сесилия уже привязалась к ней.

— Девочке давно не хватало хорошего общения.

Эшкрофт медленно закрыл папку.

— Да. Давно.

Пенроуз поклонился и направился к двери.

— Артур.

— Да, милорд?

— Не рассказывайте мисс Хартли о старых семейных обстоятельствах.

— Разумеется.

— Пока она не должна знать больше, чем необходимо.

— Я понимаю.

Дверь закрылась.

Граф остался один.

Он посмотрел на старинные часы на каминной полке.

Стрелки показывали без четверти одиннадцать.

В Блэкхолле давно привыкли к тому, что его хозяин не спит ночами.
Но новая гувернантка пока не знала, что граф Эшкрофт никогда не завтракал до рассвета.
И что уже более четырёх столетий он не старел ни на один день.

Глава 4. Правила старого дома

За первую неделю в Блэкхолле Эвелин успела усвоить несколько важных правил.

Во-первых, завтрак подавали в восемь часов, обед — в два, а ужин — в семь. Исключения случались, но о них заранее сообщали.

Во-вторых, лорд Эшкрофт предпочитал, чтобы его не беспокоили во время работы. Если требовалось передать ему документы, следовало обращаться к мистеру Пенроузу.

В-третьих, леди Сесилия могла отменить любое занятие, если у неё болела голова, портилось настроение или внезапно возникало желание заняться чем-нибудь более интересным.

Последнее правило, разумеется, было придумано самой Сесилией.

Эвелин не собиралась ему следовать.

Однако в остальном жизнь в Блэкхолле оказалась удивительно приятной. Слуги работали быстро, комнаты содержались в идеальной чистоте, еда была превосходной, а её собственная комната ежедневно украшалась свежими цветами.

Впервые за долгое время Эвелин не приходилось думать о том, хватит ли ей денег на новую пару перчаток.

И это было восхитительно.

Она всё ещё не привыкла к мысли, что может попросить дополнительную свечу или заказать новое платье для занятий и не услышать в ответ недовольного вздоха.

Но постепенно привыкала.

А ещё она всё чаще замечала, что Блэкхолл живёт по правилам, которых никто не объяснял.

В понедельник утром Эвелин обнаружила на своём столе записку.

Мисс Хартли.

Прошу вас сегодня после занятий уделить некоторое время осмотру учебных материалов. Возможно, потребуется приобрести новые книги для леди Сесилии.

Пенроуз.

Эвелин улыбнулась.

Наконец-то ей предстояло заняться чем-то, что она действительно любила.

Она быстро закончила завтрак и отправилась в учебную комнату.

Сесилия уже ждала её.

На этот раз девочка сидела за столом и рисовала.

— Доброе утро, леди Сесилия.

— Доброе утро.

— Что вы рисуете?

— Замок.

Эвелин подошла ближе.

На листе действительно был изображён замок. Он выглядел довольно мрачно: высокие башни, узкие окна, чёрные деревья и огромная луна над крышей.

— Очень красиво.

— Это не Блэкхолл.

— А какой же?

— Тот, который я придумала.

— И кто в нём живёт?

Сесилия отложила карандаш.

— Старый король, его дочь и один очень неприятный дракон.

— Почему неприятный?

— Он всё время хочет есть.

— Это действительно неудобно для окружающих.

— Особенно для короля.

Эвелин села рядом.

— А что делает дочь?

— Она хочет сбежать.

— Почему?

— Потому что король не разрешает ей выходить из замка.

Эвелин посмотрела на рисунок.

— Возможно, он боится за неё.

— Возможно. Но это не значит, что она должна сидеть взаперти всю жизнь.

Эвелин улыбнулась.

— Полагаю, у принцессы сильный характер.

— Очень.

— Тогда ей следует придумать, как убедить отца.

Сесилия посмотрела на неё.

— А если отец не хочет слушать?

— Тогда нужно найти другой способ.

— Например?

— Например, доказать, что она достаточно взрослая, чтобы принимать некоторые решения самостоятельно.

Сесилия задумалась.

— Вы умная, мисс Хартли.

— Спасибо.

— Но иногда слишком доверяете взрослым.

Эвелин решила, что девочка опять говорит о своём отце.

— Не все взрослые одинаковы.

— Это правда.

Занятия начались с чтения.

Эвелин выбрала небольшую книгу о путешествии по Англии. В ней рассказывалось о старых городах, замках, монастырях и необычных местных обычаях.

Сесилия читала хорошо, но постоянно прерывалась.

— Почему люди строили такие большие дома?

— Чтобы жить в них.

— Это я понимаю. Но зачем такие большие?

— Некоторые семьи были очень многочисленными. Кроме того, большие поместья демонстрировали положение владельца.

— Значит, они хотели показать, что богаты?

— В определённой степени.

— А сейчас?

Эвелин улыбнулась.

— Сейчас тоже существуют люди, которые любят показывать своё богатство.

— Мой отец не любит.

— Ваш отец не похож на человека, которому нужно кому-то что-то доказывать.

Сесилия посмотрела на неё с любопытством.

— Вы хорошо его понимаете?

— Пока нет. Но постепенно узнаю.

Девочка задумалась, затем произнесла:

— Он очень одинокий.

Эвелин подняла глаза.

— Почему вы так думаете?

— Потому что у него нет жены.

— Возможно, он не встретил подходящую женщину.

— А вы бы вышли замуж за моего папу?

Эвелин поперхнулась воздухом.

— Леди Сесилия!

Девочка невозмутимо продолжила рисовать.

— Что?

— Мы обсуждаем географию.

— Это не ответ.

— Такие вопросы не относятся к уроку.

— Значит, вы не хотите отвечать.

Эвелин вздохнула.

— Ваш отец — достойный мужчина. Но я приехала сюда работать, а не обсуждать его семейную жизнь.

— Очень осторожный ответ.

— Очень правильный ответ.

Сесилия хихикнула.

Эвелин решила, что пора вернуться к книге.

После занятий Эвелин отправилась в библиотеку.

Она собиралась составить список необходимых книг для Сесилии и проверить, какие учебники уже имеются в доме.

В библиотеке было тихо.

На одном из столов лежали несколько томов, оставленных кем-то накануне. Эвелин открыла первый и принялась записывать названия.

Вскоре она заметила, что на нижней полке стоит несколько книг по бухгалтерскому делу.

Она достала одну.

Это был старый справочник по торговым счетам, изданный более пятидесяти лет назад.

Эвелин заинтересованно перелистнула страницы.

Ей всегда нравились подобные книги. Отец часто показывал ей записи из своей лавки и объяснял, как проверять расчёты.

Она села за стол и начала читать.

Через несколько минут обнаружилась ошибка.

В примере на одной из страниц неверно складывались суммы.

Эвелин нахмурилась, проверила расчёт ещё раз и достала карандаш.

— Странно.

— Что именно?

Она подняла голову.

У окна стоял граф.

Эвелин быстро встала.

— Милорд. Простите, я не заметила, как вы вошли.

— Вы были увлечены книгой.

— Да, милорд.

Он подошёл ближе.

— Что вас заинтересовало?

Эвелин показала страницу.

— Здесь допущена арифметическая ошибка.

Граф посмотрел на цифры.

— Действительно.

— Возможно, опечатка.

— Скорее всего.

— Я подумала, что стоит отметить её, если кто-нибудь ещё будет пользоваться этим справочником.

Эшкрофт внимательно посмотрел на неё.

— Вы всегда проверяете книги таким образом?

— Только те, в которых замечаю ошибки.

— А если не замечаете?

— Тогда считаю, что книга права.

Граф слегка улыбнулся.

— Разумный подход.

Он взял том и изучил страницу.

— Вы хорошо разбираетесь в торговых расчётах?

— Отец был купцом. Он учил меня вести счета.

— Это весьма полезный навык.

— Да, милорд. Особенно когда приходится иметь дело с людьми, которые пытаются продать больше, чем у них имеется.

Граф рассмеялся.

Это был первый раз, когда Эвелин услышала его смех.

Не громкий, не раскатистый, но настоящий.

И неожиданно молодой по звучанию.

Она невольно улыбнулась в ответ.

— Вы могли бы помочь Пенроузу, если бы захотели, — сказал граф.

— Я не хотела бы вмешиваться в его обязанности.

— Я не предлагаю вам этого делать. Но если вам будет интересно, вы можете иногда помогать с проверкой учебных расходов.

Эвелин почувствовала, что ей приятно.

— Благодарю, милорд. Я с удовольствием.

— Тогда поговорю с ним.

Он положил книгу на стол.

— А теперь расскажите, что вы собираетесь читать с Сесилией.

Эвелин достала список.

Они обсуждали книги почти полчаса.

Граф внимательно выслушивал её предложения, задавал вопросы и иногда рекомендовал собственные издания. Эвелин заметила, что он не пытается навязать ей своё мнение. Напротив, он хотел услышать её рассуждения.

Это было приятно.

И немного опасно.

Потому что она начинала ждать таких разговоров.

В тот же день Эвелин впервые увидела, как граф разговаривает с управляющим.

Она проходила по коридору, когда услышала голоса из кабинета.

Дверь была приоткрыта.

— Я уже говорил вам, Артур, что не желаю видеть подобные счета, — произнёс Эшкрофт.

— Но поставщик утверждает, что расходы увеличились, милорд.

— Он утверждает это третий год подряд.

— Возможно, цены действительно выросли.

— Возможно. Но это не объясняет расхождение.

Эвелин остановилась.

Она не собиралась подслушивать, но разговор был слишком знакомым.

— Проверьте предыдущие записи, — продолжил граф. — И выясните, кто подписал накладную.

— Разумеется.

— Я не люблю, когда меня пытаются обмануть.

— Понимаю, милорд.

Эвелин тихо пошла дальше.

Она подумала, что граф, вероятно, очень требователен к своим служащим.

Но это было справедливо.

Ведь он платил им жалованье и обеспечивал всем необходимым.

И всё же в его голосе прозвучала такая холодная твёрдость, что она невольно вспомнила слова Пенроуза: в Блэкхолле полезно уметь хранить секреты.

Вечером Эвелин получила приглашение к графу.

Её попросили прийти в кабинет после ужина.

Она немного волновалась.

Не потому, что ожидала неприятного разговора, а потому, что не знала, чего именно от неё хотят.

Кабинет оказался просторным помещением с камином, книжными шкафами и большим письменным столом. На стенах висели портреты нескольких поколений Эшкрофтов.

Граф стоял возле камина.

— Мисс Хартли.

— Милорд.

— Проходите. Садитесь.

Эвелин заняла кресло.

На столе лежали бумаги.

— Я хотел бы поговорить с вами о Сесилии.

— Разумеется.

— Как вы считаете, ей нравится заниматься?

Эвелин осторожно подбирала слова.

— Думаю, ей нравится узнавать новое, но она не любит, когда занятия превращаются в обязанность.

— Это характерно для детей.

— Да. Но у Сесилии есть ещё одна особенность. Она иногда говорит о вещах, которые не совсем соответствуют её возрасту.

Граф посмотрел на неё.

— Например?

Эвелин решила быть осторожной.

— Она задаёт вопросы о браке, возрасте, отношениях между взрослыми. Иногда произносит фразы, которые я не ожидала бы услышать от шестилетнего ребёнка.

Граф некоторое время молчал.

— Она всегда была такой.

— Понимаю.

— Не стоит пугаться её слов.

— Я не пугаюсь, милорд. Просто хочу правильно реагировать.

Он кивнул.

— Вы поступаете разумно.

Эвелин заметила, что граф выглядит несколько усталым.

Хотя его осанка оставалась безупречной, вокруг глаз залегли тени.

— Милорд, могу я спросить?

— Конечно.

— Вы давно не отдыхали?

Он посмотрел на неё с лёгким удивлением.

— Почему вы спрашиваете?

— Вы выглядите утомлённым.

— Это всего лишь работа.

— Но даже лордам необходим отдых.

Эшкрофт слегка усмехнулся.

— Вы намерены давать мне советы по распорядку дня?

Эвелин почувствовала, что сказала лишнее.

— Простите, милорд.

— Не извиняйтесь. Это было любезно.

Он подошёл к столу и сел.

— Мисс Хартли, вы, вероятно, заметили, что в Блэкхолле существует множество старых правил.

— Да, милорд.

— Некоторые из них могут показаться вам странными.

— Это правда.

— Я прошу вас не пытаться менять их слишком быстро.

Эвелин кивнула.

— Разумеется.

— И ещё. Не следует заходить в северное крыло без сопровождения.

Она удивлённо подняла глаза.

— Северное крыло?

— Да. Там находятся помещения, которыми давно не пользуются.

— Они закрыты?

— Большая часть.

— Почему?

Граф посмотрел на неё.

— Потому что в этом нет необходимости.

Эвелин поняла, что разговор окончен.

— Я буду помнить, милорд.

— Благодарю.

Она поднялась.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мисс Хартли.

Когда Эвелин вышла из кабинета, в коридоре её ждала Сесилия.

Девочка сидела на подоконнике, обняв колени.

— Леди Сесилия? Что вы здесь делаете?

— Жду вас.

— Зачем?

— Хотела узнать, о чём вы разговаривали с папой.

Эвелин улыбнулась.

— О ваших занятиях.

— Вы жаловались на меня?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

Сесилия спрыгнула с подоконника.

— Вы хорошая гувернантка.

— Спасибо.

Девочка посмотрела на неё.

— А папа вам нравится?

Эвелин вздохнула.

— Вы опять за своё?

— Я просто интересуюсь.

— Ваш отец очень приятный собеседник.

— Значит, нравится.

— Леди Сесилия!

Девочка рассмеялась.

— Ладно, ладно. Я больше не буду.

Они пошли по коридору.

У лестницы Сесилия остановилась.

— Мисс Хартли?

— Да?

— Вы когда-нибудь были влюблены?

Эвелин задумалась.

— Нет.

— Почему?

— Наверное, потому что у меня не было времени.

— А теперь?

— Теперь у меня есть работа.

— Это не одно и то же.

Эвелин улыбнулась.

— Вы слишком много думаете о взрослых делах.

— Кто-то же должен.

Девочка убежала вверх по лестнице.

Эвелин покачала головой.

Поздно вечером она сидела у себя в комнате и писала письмо одной из бывших воспитательниц приюта.

Она рассказывала о новом месте, о своей комнате, о прекрасной библиотеке и о маленькой леди Сесилии.

Писала о том, что хозяин дома оказался человеком строгим, но справедливым.

И о том, что впервые за долгое время чувствует себя по-настоящему нужной.

Она уже собиралась поставить точку, когда услышала странный звук.

Будто кто-то прошёл по коридору.

Эвелин подняла голову.

Звук повторился.

Медленные шаги.

Она подошла к двери и осторожно открыла её.

Коридор был пуст.

На стене горела лампа, а в конце прохода виднелась лестница.

Эвелин прислушалась.

Тишина.

Она уже собиралась закрыть дверь, когда заметила движение.

В дальнем конце коридора стояла фигура.

Высокая, неподвижная.

Эвелин моргнула.

Фигура исчезла.

Она закрыла дверь и заперла её.

Потом долго стояла, прислушиваясь к звукам дома.

Наконец вернулась к столу.

— Старый замок, — прошептала она. — Сквозняки, лестницы и слишком много коридоров.

Она попыталась улыбнуться.

Но улыбка вышла неуверенной.

В это же время граф Эшкрофт находился в северном крыле.

Он стоял перед высоким зеркалом в старой галерее.

На поверхности зеркала отражались стены, свечи и массивная мебель.

Но там, где должен был стоять сам граф, не было ничего.

Он спокойно посмотрел на пустое пространство.

Затем повернулся к Пенроузу.

— Новая гувернантка заметила что-нибудь необычное?

— Пока нет, милорд.

— Хорошо.

— Она задаёт вопросы.

— Это естественно.

— И, кажется, ей нравится библиотека.

Граф едва заметно улыбнулся.

— Это тоже естественно.

Пенроуз помолчал.

— Вы уверены, что её присутствие не создаст проблем?

Эшкрофт посмотрел на него.

— Она нужна Сесилии.

— Я понимаю.

— Тогда не будем искать проблемы там, где их ещё нет.

Он снял с каминной полки старую фотографию.

На ней была изображена женщина с тёмными волосами и спокойным лицом.

Граф долго смотрел на портрет.

Затем тихо произнёс:

— Возможно, на этот раз всё будет иначе.

И погасил свечу.

Глава 5. Первый вечер в зимнем саду

В Блэкхолле существовало одно место, которое Эвелин полюбила почти сразу.

Это был зимний сад.

Он находился в южном крыле замка, за высокими стеклянными дверями, и соединялся с главным зданием длинной галереей. Внутри росли розы, камелии, папоротники и несколько экзотических растений, названия которых Эвелин даже не пыталась запомнить.

Здесь было тепло, пахло влажной землёй и цветами, а за стеклянной крышей иногда можно было наблюдать, как дождевые капли медленно стекают по прозрачным панелям.

В отличие от других помещений Блэкхолла, зимний сад не казался мрачным.

Он был живым.

Эвелин приходила сюда после занятий, чтобы читать, проверять тетради или просто отдыхать. Иногда вместе с ней приходила Сесилия, которая могла часами рассматривать цветы и разговаривать с плюшевым медведем.

В этот четверг они тоже отправились туда.

— Мисс Хартли, — произнесла Сесилия, останавливаясь возле большой кадки с белыми розами, — вы знаете, почему папа не любит цветы?

— Разве он их не любит?

— Не знаю. Он никогда не срывает их.

— Возможно, он просто предпочитает любоваться ими в саду.

Сесилия задумалась.

— А вы любите цветы?

— Очень.

— Какие?

— Розы. Особенно тёмно-красные.

— Почему?

Эвелин улыбнулась.

— Они красивые.

— И колючие.

— Иногда красота требует осторожности.

Сесилия посмотрела на неё с явным удовольствием.

— Вы говорите почти как мой отец.

— Надеюсь, это хороший знак.

— Не всегда.

Девочка подняла с пола упавший лепесток и положила его в корзинку.

— А вы любите мужчин?

Эвелин закрыла глаза.

— Леди Сесилия...

— Что?

— Мы договорились не задавать друг другу подобные вопросы во время прогулки.

— Но сейчас мы не гуляем. Мы стоим.

Эвелин не удержалась от смеха.

— Вы совершенно невозможны.

— Мне это часто говорят.

После прогулки Эвелин вернулась в свою комнату и обнаружила на кровати новое платье.

Оно было тёмно-зелёного цвета, из хорошей шерстяной ткани, с аккуратным воротником и длинными рукавами. Рядом лежала записка от миссис Уэбб.

Мисс Хартли.

Лорд Эшкрофт распорядился выдать вам несколько платьев для повседневной службы. Остальные будут готовы в ближайшие дни.

Эвелин осторожно провела рукой по ткани.

Платье было гораздо лучше всего, что она носила прежде.

Не роскошное бальное, не украшенное драгоценностями, но добротное, элегантное и сшитое по фигуре.

Она улыбнулась.

Ей нравилось, когда к ней относились с уважением.

Особенно когда это уважение выражалось не только словами.

Вечером она надела новое платье и спустилась к ужину.

В столовой уже находился граф.

Он сидел за небольшим столом возле окна и читал газету.

Увидев Эвелин, он отложил её.

— Добрый вечер, мисс Хартли.

— Добрый вечер, милорд.

— Вам передали платье?

— Да. Оно прекрасно. Благодарю вас.

— Надеюсь, оно удобно.

— Очень.

Граф кивнул и предложил ей занять место.

Сегодня они ужинали вдвоём. Сесилия попросила разрешения поесть в своей комнате, сославшись на головную боль.

Эвелин подозревала, что никакой головной боли не было. Просто девочке иногда хотелось побыть одной.

Первые несколько минут они ели молча.

Затем граф спросил:

— Как продвигаются занятия?

— Хорошо. Сесилия читает значительно лучше, чем я ожидала.

— А арифметика?

Эвелин вздохнула.

— С ней сложнее.

— Я предупреждал.

— Но она способная. Просто не видит смысла в упражнениях.

— В детстве я тоже не любил арифметику.

Эвелин посмотрела на него с удивлением.

— Вы?

— Да, мисс Хартли. Неужели это кажется вам невероятным?

— Вы производите впечатление человека, который никогда не совершал ошибок.

Граф тихо рассмеялся.

— Боюсь, вы сильно ошибаетесь.

— Тогда мне приятно это слышать.

— Почему?

— Потому что дети иногда нуждаются в примере того, что даже взрослые люди не всегда бывают правы.

— Весьма разумно.

Он отрезал небольшой кусочек мяса.

— А что касается Сесилии, не следует торопить её. Она учится лучше, когда сама проявляет интерес.

— Я заметила.

— И ещё, мисс Хартли.

— Да, милорд?

— Вы можете обращаться ко мне, если вам потребуется что-либо для работы. Не стоит всякий раз ждать, пока Пенроуз освободится.

— Я не хотела бы злоупотреблять вашим временем.

— Мой кабинет не является храмом, куда запрещено входить простым смертным.

Эвелин рассмеялась.

— Это весьма утешительно.

Граф посмотрел на неё.

— Вы часто смеётесь.

— Разве это плохо?

— Нет. Просто в Блэкхолле давно не было человека, который смеялся бы так свободно.

Эвелин слегка смутилась.

— Возможно, здесь слишком много старых портретов.

— Вы считаете, что они портят настроение?

— Некоторые из них выглядят так, будто собираются осудить меня за то, что я взяла лишний кусочек пирога.

Граф снова рассмеялся.

И Эвелин подумала, что ему идёт улыбка.

После ужина граф предложил пройти в зимний сад.

— Вы говорили, что любите это место, — произнёс он. — Думаю, вечером оно особенно красиво.

Эвелин удивилась.

— Вы часто там бываете, милорд?

— Раньше бывал чаще.

— Тогда я с удовольствием составлю вам компанию.

Они вышли из столовой и направились по галерее.

Вечер был прохладным. За окнами темнело, и в парке уже зажглись фонари.

Зимний сад встретил их тёплым воздухом и ароматом цветов.

Граф остановился возле белых роз.

— Они были любимыми цветами моей жены.

Эвелин посмотрела на него.

— Простите. Я не знала.

— Ничего страшного.

Он провёл пальцами по краю листа.

— Она любила этот сад.

— Она часто здесь бывала?

— Каждый день.

Эвелин не стала задавать новых вопросов.

Некоторое время они молчали.

Затем граф предложил ей сесть на небольшую скамью возле фонтана.

— Вы давно потеряли отца? — спросил он.

Эвелин удивилась.

— Да, милорд.

— Сожалею.

— Это было давно.

— Потеря близкого человека не становится менее значимой оттого, что прошло много времени.

Она посмотрела на него.

— Вы тоже потеряли многих близких?

Граф не сразу ответил.

— Больше, чем хотелось бы.

В его голосе было что-то такое, что Эвелин не стала продолжать расспросы.

Вместо этого она рассказала о своём отце.

О маленькой лавке, о фарфоровых чашках, о том, как он учил её считать деньги и различать хорошие ткани.

Граф слушал внимательно.

— Он, должно быть, был достойным человеком.

— Да. Он очень старался.

— И сумел дать вам образование.

— Это было самое ценное, что у меня осталось.

— Не совсем, мисс Хартли.

Эвелин посмотрела на него.

— Что вы имеете в виду?

— Вы сохранили не только знания. Вы сохранили его отношение к жизни.

Она опустила глаза.

Эти слова неожиданно тронули её.

— Благодарю, милорд.

Они ещё немного поговорили.

Эвелин узнала, что граф любит музыку, старинные книги и прогулки в одиночестве. Он не особенно интересовался охотой и редко посещал соседние поместья.

— Вы предпочитаете уединение? — спросила она.

— С возрастом начинаешь ценить тишину.

— Но иногда тишина становится слишком тяжёлой.

Граф повернул голову.

— Вы считаете?

— Да. Человеку нужны другие люди. Даже если он привык жить один.

Он некоторое время смотрел на неё.

— Возможно.

Эвелин почувствовала, что сказала что-то слишком личное.

— Простите, милорд. Я не хотела...

— Вы можете говорить свободно.

Он поднялся и подошёл к фонтану.

— В молодости мне казалось, что одиночество — это свобода. Теперь я не всегда уверен, что был прав.

Эвелин смотрела на него.

Она не знала, почему эта фраза произвела на неё такое впечатление.

Возможно, потому что он произнёс её совершенно искренне.

Когда они возвращались в замок, из соседней комнаты донёсся звук фортепиано.

Граф остановился.

— Сесилия играет?

— Возможно.

Они подошли ближе.

За инструментом действительно сидела девочка.

Она играла простую мелодию, иногда ошибаясь, но старательно повторяя фрагменты.

Увидев отца, Сесилия перестала играть.

— Папа!

— Продолжай, дорогая.

— Я уже закончила.
— Очень жаль. Мне понравилось.
Девочка посмотрела на Эвелин.
— Вы тоже слушали?
— Да. Очень красиво.
— Я ошиблась три раза.
— Но всё равно сыграла замечательно.
Сесилия довольно улыбнулась.
Граф подошёл к дочери и положил руку ей на плечо.
— Может быть, завтра ты сыграешь для нас ещё раз?
— Если мне дадут шоколад.
— Ты торгуешься?
— Я учусь у взрослых.
Эвелин рассмеялась.
Граф покачал головой.
— Полагаю, это моя вина.
Позднее, когда Эвелин уже собиралась уходить, граф задержал её у двери.
— Мисс Хартли.
— Да, милорд?
— Я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы уделяете Сесилии столько внимания.
— Она замечательная девочка.
— Она не всегда бывает простой.
— Дети редко бывают простыми.
— Но вы не раздражаетесь.
Эвелин улыбнулась.
— Иногда раздражаюсь. Просто стараюсь не показывать.
Граф тихо рассмеялся.
— Это весьма достойное качество.
Она присела в реверансе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.